

Поладить с воспитанницами интерната удастся в процессе игры

ПРИЛИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЗНАЧИТ ХОРОШИЙ

НА НОСУ У МЕНЯ ОТПУСК, половину которого проведу с второклашками из интерната для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

С Аленой мы дружим уже полгода, после того, как, собрав необходимые справки, я оформила гостевой режим. Надю не гадала брать: все получилось само собой. Во-первых, когда с первой девочкой проводили зимние каникулы, ей не доставало сверстников – среди моих родственников и друзей не было детей ее возраста. Алена скучала по подругам, а Надя была лучшей из них. Во-вторых, трудно было забирать и возвращать ребенка в интернат под натиском ее одноклассников: «Мам, а почему вы ее берете?», «А меня когда? Меня еще никто в гости не брал...» Среди тискающих мою одежду детей Нади не было – она грустно и смущенно выглядывала из-за двери.

Когда впервые мы вышли из интерната втроем, девочек как подменили. Я не сразу разгадала детскую ревность, вернее – никак не ожидала ее увидеть. У Нади рот не закрывался, руку мою она не выпускала и держала крепко. Я не успевала отвечать на все ее пустяшные вопросы, как получала рассказы о том, кто с кем подрался и кто кого насмешил. Чем ближе к дому, тем более молчаливой и закрытой казалась болтушка-Алена. Только подойдя к домофону, она словно встрепенулась и по-хозяйски стала открывать ключом дверь. Едва переступили порог, девочки поскидывали обувь и началась экскурсия по квартире без моего участия:

– Это Людины коты. Черный – мой любимый, он только со мной спит, но если ты будешь так его тискать, он от тебя убежит и спрячется. Тут мы кушаем, и это мое место, а вот мои игрушки – Люда подарила, потом я дам тебе какую-нибудь одну...

От впечатлений Надя перескакивала с места на место, задавая попутно еще миллион вопросов «что да к чему?», но слова подруги про игрушки заделали за живое:

– Жадина. Люда мне тоже что-нибудь подарит, правда? – обратилась она ко мне за поддержкой.

Не хватало им еще поссориться.

– Ален, может, так договоримся: если в интернате у вас все общее, пусть и здесь будет так же, и что бы я ни покупала – это теперь для вас двоих? Справедливо?

Она мотнула головой в знак согласия, и экскурсия продолжилась... С соперничеством – правда, уже не таким острым – приходится бороться и сейчас: кто первым откроет дверь, заплатит за проезд в маршрутке, кто лучше из них вымыл пол, помогал мне по дому, аккуратнее ел за обедом, кого я больше фотографировала и прочее. А совсем недавно, когда я впервые привела детей в сад к родителям, Алена выдала заискивающим голосом бедной лисички:

– Если ты кого-нибудь из нас удочеришь, где мы будем спать, жить?

И это несмотря на то, что я не раз объясняла девочкам, что беру их к себе только в гости и хочу, чтобы мы надолго по жизни оставались друзьями. Однако возник вопрос – пришлось расставить все точки над «и».

Был еще один момент, который меня изначально беспокоил. Все дети ругаются. И я, будучи маленькой, так ругалась с родной сестрой, что роди-

тели рот открывали от изумления: неужели это их дочь? Я не говорю про матерные слова – не задумываясь, дети легко поносят друг друга и литературной чернухой. Понимая, что исправить это запретами не могу, но и слышать ругательства хочу как можно реже, я придумала игру: произносишь плохое слово в чей-то адрес – следом говори комплимент этому человеку. За каждое второе, сказанное за день, два комплимента и так – по нарастающей. Причем повтор добрых слов быть не должно. Детям идея понравилась. Они даже меня ловили на слове, если, например, схватившись голой рукой за горячую кастрюлю, я невольно вскрикивала: «Черт! Надо же быть такой дурочкой!» Приходилось говорить комплименты им обним – за то, что слышали от меня плохие слова. Проблема в игре возникала только тогда, когда типичный набор – «хорошая, красивая, добрая, умная, воспитанная...» – иссякал у девочек, и мы ждали: «Ну?...» Однажды, протянув несколько секунд, Алена выдала:

– Надя – приличная!

Я едва сдерживалась от смеха.

– А приличный – это какой человек?

Глаза в задумчивости – в потолок, и опять молчание. Помогла Надя:

– Тот, который поступает как надо, по правилам. Мы на окружающем мире проходили...

Все остальное общение с ними обеими доставляло не меньше самых разных, но преимущественно положительных, эмоций. Взять безопасность дорожного движения. Сначала через перекрестки я тащила за руки их сама, объясняя, на какой цвет светофора можно переходить. Потом это перевела в игру: до сих пор то Алена переводит нас через дорогу, то Надя, и обе – с деловитостью взрослых людей. Или первый их самостоятельный опыт покупки: в доме кончился хлеб, я была занята приготовлением обеда, девочки выгуливали котов на улице. За хлебом предложили сходить сами. Дала им 20 рублей, попросила любую буханку белого. Прошло 15 минут, от них ни слуху ни духу – магазин в минуту ходьбы от подъезда. Прибегают с пустыми руками:

– Нам не хватило. Там был только хлеб за 18.

Посчитали, посмеялись и опять в магазин, но на второй раз уже удачно.

Или взять купание. Одна в ванной Алена не засиживалась. Когда стала брать с собой Надю, для детей банный вечер превращался в событие, которое начиналось со взбита душистой пены в воде. Никаких игрушек им не надо было – они сами друг друга веселили, учились задерживать дыхание под водой и просто шалили. Правда, пришлось перед тем серьезно поговорить по поводу их безопасности в скользкой ванной и о том, что будет с соседями снизу, если девочки превратят пол в озеро. По их крику или стуку я приходила помочь вымыть волосы, потереть спинки. Однажды к нам в гости заглянул мой приятель и задержался допоздна. Дети уже 20 минут барахтались в ванной, а мы с другом никак не могли проститься. Когда я проводила молодого человека и заглянула к девочкам, чистенькие, они спокойно обтирались полотенцами.

– А мы сами помылись – вот какие мы у тебя молодцы!

Продолжение следует.

ЛЮДИЛА БОРЮШКИНА.

ФОТО АВТОРА

Гостевой семье зеленый свет

Еще недавно, согласно Семейному кодексу и закону, защищающему права сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в стране официально существовали только усыновление, опека, приемная и патронатная семья. И ни строчки в документах о так называемой гостевой семье, когда ребенка из детдома забирают по выходным и на каникулах. К себе домой таких детей могли брать только родственники и сотрудники сиротских учреждений. Перед остальными желающими оформить разрешение местные органы опеки либо разводили руками, либо давали его в обход законодательству. В новом варианте закона, который вступит в силу с сентября, наконец нашлось несколько строк и для «семьи выходного дня» – таково второе название временного устройства ребенка к неродным людям.

В то время как психологи утверждают, что сироты, проживая в чужой семье даже непродолжительное время, получают гораздо больше, чем за годы, проведенные в интернатах, чиновники осторожничают с гостевой семьей. Вот мнение начальника отдела организации работы по опеке и попечительству областного министерства социальных отношений Анны Шмелевой:

– Когда в СМИ говорят о преимуществах семьи выходного дня, то смотрят на эту проблему прежде глазами людей, которые хотят сделать доброе дело, и только потом глазами детей. Я не видела ни одного ребенка, который бы не хотел попасть в семью. И когда приходят в детдом за одним, остальные заглядывают незнакомым дядям и тетям в глаза, дергают за рукава: «А меня когда заберешь?» А тот, которого уводят на выходные, из всех сил старается понравиться приглашающим взрослым, показать себя с хорошей стороны, потому что надеется – когда-нибудь его заберут насовсем. Проходит месяц, два, три, но ничего не меняется, и после выходных его снова возвращают в детдом. У ребенка разочарование в жизни: он хороший, а его все равно не берут. Зачем же ему тогда стараться быть молодцом?... Вот краткая история мальчишки, которого взяла в гостевую семью дальняя родственница. Прошло немного времени, как послушный и шелковый парень вдруг стал вести себя агрессивно, дерзить, хулиганить, воровать. Во время беседы с психологом ребенок признался: «Я столько вре-

мени ждал, что она возьмет меня навсегда...» И не дай бог, если ребенка перестали брать в гостевую семью по каким-либо причинам – это предательство для него.

... Несомненно, близкие родственники тоже могут бросать сироту, забывая даже навещать его в госучреждении, но дети воспринимают это как временное явление. «Бабушка-дедушка, дядя-тетя никуда не денутся – они так и останутся родными людьми на всю жизнь. А к посторонним людям ребятишки, как ни странно, привязываются сильнее, подсознательно ища в них новых маму и папу», – считает Анна Шмелева. Бесспорно одно: гостевой режим, не обременяющий взрослых принимать сирот в семьи как своих, тем не менее, не снимает с них морально-этической ответственности за будущее чужих детей. Может, поэтому сбор документов на разрешение семьи выходного дня чиновники упрощать не собираются. Среди обязательных: акт обследования жилищно-бытовых условий, характеристика соседей и с места работы, форма 23, справка о доходах, об отсутствии судимости, медицинское заключение как минимум восьми узких специалистов о здоровье кандидата. С момента одобрения органов опеки проходит год, и документы приходится оформлять заново.

– Никто не знает, что на уме у постороннего человека, – заключает Анна Шмелева. – Если взять, к примеру, испанцев, которые ежегодно приглашают на время каникул оздоровить сотни наших сирот – чтобы получить на это разрешение, они вынуждены собирать еще больше бумажек, чем наши соотечественники. Если испанская семья готова дважды в год принимать нашего ребенка, процедуру сбора документов она проходит тоже дважды. И получается: не успели люди получить одно разрешение, как приходится хлопотать о другом. Но взгляд европейцев на эти вещи отличается от российского. У нас такие разговоры: «Этот ребенок мне понравился, я хочу забрать его сегодня же, почему вы заставляете меня бегать за многочисленными справками?» В Испании, с которой Министерство образования и науки Российской Федерации сотрудничает много лет, ради встречи и общения с детьми готовы терпеливо, с пониманием переносить все неудобства.